

Проблема соотношения личного (частного) и общественного (государственного): культурно-исторический анализ

Бугакова Юлия Владимировна

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

магистрант

Аннотация

Проблема генезиса соотношения личного (частного) и общественного (государственного) является важным этапом на пути понимания и концептуализации понятия приватности. Анализ того, как частное разворачивается и изменяется, устанавливает и закрепляет собственные границы дает возможность понять сущность и функции частного, выявить факторы, привели к появлению этого явления как такового. Стоит отметить, что социально-культурные изменения, которые будут проанализированы, характерны для западного культурного пласта, хотя приватность и является универсальным элементом человеческой деятельности, разные культуры по-разному приходят к ней. А стержнем становления приватности является индивид, ценность приватности определяется ролью индивида в социальной группе в данный исторический период. Мы коснемся основных буферных точек, в которых на протяжении истории происходили основные изменения континуума приватность-публичность, а позже будет рассмотрен современный этап развертывания феномена приватности.

Ключевые слова: личность, общество, частная жизнь, индивид, общение, культура, социум, роль индивида, роль в обществе, семья.

The problem of the relationship of personal (private) and public (governmental): cultural and historical analysis

Bugakova Yulia Vladimirovna

RSU them A.N. Kosygin (Technology. Design. Art)

master student

Abstract

The problem of “Genesis of privacy” is an important step towards understanding and conceptualizing a concept. An analysis of how the private unfolds and changes, establishes and fixes its own boundaries, makes it possible to understand the essence and functions of the private, to clarify the factors that led to the appearance of this phenomenon as such. It is worth noting that the socio-cultural changes that will be analyzed are characteristic of the Western cultural layer, although privacy is a universal element of human activity, different cultures come to it in different ways. And the core of the formation of privacy is the individual,

the value of privacy is determined by the role of the individual in a social group in a given historical period. We will touch on the main buffer points where major changes in the continuum of privacy-publicity have occurred throughout history, and later the current stage of the development of the phenomenon of privacy will be considered.

Keywords: individual, society, private life, individual, communication, culture, society, the role of the individual, the role in society, the family.

Сущность частного меняется вместе с эволюцией форм общественных взаимодействий, по мере их движения от простых к сложным [3; 21]. Ключевой функцией, которую выполняет частное, является обеспечение и обслуживание потребностей и интересов индивида. Двигаясь по ключевым этапам истории, можно проследить, как частное меняется в зависимости от отношения и роли индивида в обществе.

В примитивных обществах коллективные интересы превалируют над индивидуальными, минимизируют общественную потребность в приватности как факторе, который регулирует взаимоотношения индивида и группы. На этом этапе континуум частного и публичного не сформирован, нет взаимоперехода и определенных границ между этими явлениями, так как нет собственно частного, которое бы и очерчивало границы вокруг индивида. Участие индивида в деятельности группы определяет его через соответствие его личных качеств групповым ценностям или несоответствие им. То, что в индивиде не отвечает интересам и ценностям группы отмечается, или подавляется. То, что ценными с точки зрения группы, наоборот получает развитие и поддержку со стороны других.

Таким образом, индивид, принимающий участие в деятельности группы приносит в жертву ту часть себя, которая не востребована группой [38; 44]. Отсюда следует, что членство в группе предполагает способность к «декомпозиции», расчленению собственного целостного «Я» на отдельные фрагменты. Чем более сплоченной является группа, чем более строго и однозначно очерченные групповые нормы, тем меньше места есть для выявления индивидуализированных характеристик у ее членов. Плотные сплоченные группы на протяжении истории меняются менее сплоченными, время от времени возвращаясь в некоторых кризисных ситуациях. Менее сплоченным группам, типичным для современного состояния развития западного общества, присущ расцвет индивидуализма, сведение его в ранг культа. При этом допускается такой огромный спектр разнообразных проявлений индивидуальности, все сложнее осуществляется групповое взаимодействие в различных сферах деятельности. Развитие индивидуализма членов группы сопровождается уменьшением ее единства.

Современные ученые [18; 24; 31 и др.] признают фундаментальное значение уединения для развития, поддержки и защиты общества. Общение в публичной сфере, по его мнению, возможно лишь при условии четких границ вокруг личной автономии. Общественные формы взаимодействий зависят от жизненного мира, который имеет собственное, нетронутое ядро.

Защищенные частные автономии обеспечивают условия общественной автономии.

Современные ученые [11; 20 и др.] интерпретируют социальную реальность как жизненный мир, выступающий универсальным смысловым горизонтом, который передается от поколения к поколению через культурные традиции, привычки и язык. Это запас знаний и представлений, составляющих объективный базис жизненного опыта индивида. Эволюция жизненного мира на протяжении истории, по мнению ученых, ведет к его усложнению и выделению в нем трех структурных и относительно независимых миров:

Объективный мир охватывает все существующее, внешнюю природу [4; 17 и др.]. Это те объекты, факты о которых могут быть истинные или ложные, в зависимости от точки зрения субъекта познания. Но эти факты не способны изменить сущность объектов, которые остаются внешними, не зависящими от восприятия;

- Социальный мир составляют нормы и ценности, всеобщие, легитимно регулируемые отношения между индивидами [22; 37 и др.];

- Субъективный мир воплощается в восприятии социальных действий и объектов внешнего мира, это субъективный опыт индивидов [14; 40 и др.].

Эти три мира связаны между собой коммуникацией и функционируют, взаимодействуют на фоне (в пределах) жизненного мира. Коммуникация происходит с помощью единства семантических систем (языка, символов, мимики, жестов), а культура выступает как условие, благодаря которой становится возможно взаимодействие и владение общими инструментами коммуникации.

Субъективный мир - это мир частного [15; 27 и др.]. В процессе взаимодействия субъект находится на пересечении трех миров, но он имеет привилегированный доступ к личному частному миру. Доступ Другого возможен в этот частный мир через сознательное желание субъекта пустить его туда, или из-за невозможности скрыть проявления субъективного в процессе взаимодействия, дает невольный доступ к внутреннему. Таким образом, в любом взаимодействии частный мир действующих субъектов всегда присутствует (даже неосознанно).

История человеческой цивилизации началась с того, что объективный мир природы человек начал дополнять социальным миром норм и отношений [1; 16 и др.]. В период первобытнообщинного строя существовала публичная сфера в форме совместной корректировки жизнедеятельности и наличия выбранных членов группы, которые решали ключевые вопросы. Родословная велась по матери ребенка, ведь определение отца не было возможно и нужно. Все члены социальной группы принимали участие в производстве и добыче ресурсов. Люди свободно выбирали себе партнеров, но надолго эти отношения не закреплялись, и дети были общими. В этом господстве свободы была только один запрет на кровнородственные связи. Позже это устройство начинает распадаться, когда внутри рода накапливается достаточно богатства, которое члены одного рода не хотят

передавать по материнской линии в другой. Это богатство - появление частной собственности, становится рычагом в выживании и качества жизни, что уже свидетельствует об осложнении общества, материального производства и культуры. Частная собственность как экономическое явление начинает играть определенную роль в коммуникациях и маркировать людей в зависимости от собственности, принадлежащей им.

Частная собственность появляется как относящаяся к социальному субъекту (роду, семье), принадлежит ему, и он может ею распоряжаться. Но при этом в социальной группе (племени, общине) формируются соответствующие механизмы, защищающие и обслуживающие существования частной собственности как таковой. Без соответствующих правил, свобод и санкций на чужое, приватность не могла бы существовать. Она формируется на основе ограничения свобод других по отношению к тому, что является частным. Так, сужается зона распространения публичности, уступая, тем самым, место для феномена приватности. Однако именно публичность содержит в себе средства и механизмы, которые поддерживают, регламентируют, воспроизводят и защищают приватность. Поэтому, можно говорить о том, что приватность остается в тени публичности, она стоит на заднем плане публичной взаимодействия. Она становится тем преимуществом, которое берет себе достаточно сильный род, способный ее накопить и защищать.

Из-за появления частной собственности родословную начинают отсчитывать от отца, который свое богатство стремится передать собственным детям в пределах своего рода и семьи. Женщина и ее сексуальную жизнь подпадает под четкий контроль с целью избежать появления чужих детей в семье, и с целью четкого отслеживания прямых потомков и наследников. Мужчина, глава семьи начинает распоряжаться частной собственностью, что дает ему экономическое преимущество над женщиной. Богатство, материальные и нематериальные ценности, родовое имя - это первые зародыши приватности как социокультурного феномена и субъективного мира, это первые признаки появления индивидуализации. Родовое имя отец передавал своим детям вместе с правом на частную собственность, что являлось первым проявлением частного в традиционном для современного человека смысле. Имя - это то, что от рождения принадлежит человеку, защищалось им и его родом, идентифицировало его, выделяло среди других, служило указателем именно на конкретную личность, выступало неотъемлемой частью личности.

Для идентификации приватности в тот или иной исторический период можно использовать такое условное правило: действие, зона или объект, по которым большинство определяет, что они отданы на личное усмотрение индивида и являются частными. И область, где другие не имеют авторитета, санкций и влияния на поведение индивида, там, где он имеет право проигнорировать формальную или неформальную норму, можно считать его частной зоной. Одной из таких «зон» традиционно выступал культурный мир человека [26; 35].

Конфиденциальность функционально направлена на обслуживание потребностей и обеспечения возможностей развития субъекта. Она является сферой его личного комфорта в социальном пространстве как «ячейка» ресурсов его выживания, как основа для его выделения среди других. Хотя на первых порах ее субъектом, в первую очередь, выступал не отдельный индивид, а малая социальная группа - семья, род, она служила тем же целям для группы как единого организма.

Эпоха античности с ее идеями о свободе и развитии индивида сопровождалась существенными изменениями в понимании континуум приватности – публичностью [5; 19]. Именно античная философия заложила основы для его понимания и осмысления. В условиях общинной и полисной жизни сфера частного была открыта для публичного обсуждения и вмешательства. Любовь и выбор спутника жизни, семья и воспитание детей, дом и домашнее хозяйство - эти элементы регулировались и регламентировались государством. Семья воспринималась как экономическая единица, которая является основой продолжения рода и двигателем обогащения общества за счет накопления богатства.

По мнению ученых [23; 30; 36 и др.], именно в период античности сформировалась полярность и взаимодействие сфер частного и публичного. При этом, основным признаком античности было концентрирование господства в частной сфере в форме властных отношений в семье (государство свободно вмешивалась в эту зону), а публичная - была ареной деятельности свободных граждан, пространством их политического волеизъявления. Конфиденциальность в этот период представлена уважением к субъективному миру личности, к ее индивидуальности. В эпоху античности был установлен и популяризирован диалог между социальным миром и субъективным миром индивида. Именно в этот период индивидуальность начинает восприниматься как ценность. Но индивидуальность в данном случае ограничивается физическим телом и умственной деятельностью индивида. Именно они провозглашаются ценностью.

Человек в период античности определялся как свободная и сознательная по своей природе личность, поэтому требовалась сфера, где она была бы способна самостоятельно принимать решения и свободно действовать.

Античность была эпохой высокого уровня образованности свободных граждан, расцвета социогуманитарных и естественных наук, популяризации свобод, но индивидуальность человека в то время, как отмечает Н.В. Соболева [29], находила свое воплощение и развитие не в частной зоне собственного, а в политике, в публичности. Именно полис, публичная сфера были тем местом, где утверждалась личность, где гражданин мог и должен был показать, чем он отличается от других. Это была зона дискуссионного противостояния, где каждый мог проявить себя как индивидуальность, доказать своим искусным словом и достижениями, что он лучший. То есть, публичность той эпохи была ареной активного выявления индивидуального

подавляющего большинства свободных граждан, а не ограниченной группы политической элиты. Кроме того, античная наука и искусство также выступали аренами для развертывания индивидуального. Конфиденциальность в этот период сохраняет свою второстепенную роль и пассивную функцию, ведь все что является важным и ценным для индивида происходит в публичной зоне.

Средневековья привнесло в восприятие частной сферы подчинения религиозное и сакральное [9; 42 и др.]. В этот период субъективный мир испытывал вмешательства со стороны мира социального. Личная жизнь все еще контролируется и ограничивается публичной сферой, и в первую очередь - религиозной активностью. Выбор спутника жизни, фасона одежды, украшений, прически, места жительства - не относилось к сфере частного. Все это регулировалось обычаями и законами и приписывалось в зависимости от социально положения и статуса. Вторжение в частную жизнь не воспринималось как нечто неправомерное или как дискриминация, ведь оно оправдывалось обычаями и особыми правами местного правителя.

Ученые [6; 13; 43 и др.] отмечают, что в период средневековья не было пространства для приватности. Историки того времени указывали на то, что даже король никогда не оставался наедине. Другие слои населения также не имели возможности оставаться в одиночестве, а если кому-то удавалось побыть одному, то это воспринималось как странность. Господствующий тип общественной жизни средневековья и соответствующая ему форма помещения не предусматривали уютных, частных мест. Тогдашняя архитектура делала невозможным уединение человека. Ежедневные контакты между людьми разных экономических слоев долгое время мешали уединению, вплоть до XVII столетия. Такая интенсивная социальность препятствовала созданию замкнутой семьи.

Взаимопроникновение в континууме частного и публичного осуществляется в этот период через исповедь, покаяние, из-за отсутствия внутренних стен через законы, обычаи и культы [28], приписывали те или иные характеристики и действия отдельной личности. Родовые и вертикальные отношения превалировали над отношениями между супругами. В этот период приватность оформляется в границах не отдельного человека и его отношений, а фигурирует в сфере родовых отношений. То есть единицей, субъектом приватности выступает целый род связанных между собой кровным родством людей, а не отдельный индивид.

Частная собственность была важным рычагом в подкреплении авторитета аристократии [12], а право передавать свое имя, титул, привилегии, имущество собственным отпрыскам - высшей привилегией, которой мог наградить монарх. И не менее жестокой санкцией было отчуждение всего этого на благо короны или церкви.

Семья, как традиционный в современном понимании очаг приватности, не выполняла множество функций и была полностью открыта, в первую очередь, для рода и подчинялась его влиянию. Так, в средневековом обществе семья не осуществляла и не контролировала трансляцию ценностей

и знаний подрастающему поколению. Дети не были центром семьи, скорее занимали периферийные позиции. Многодетность граничила с высоким уровнем смертности детей и их матерей из-за неразвитости медицины. Жизнь ребенка не разделялась на различные этапы юности. Ребенок, переживший первые годы жизни, когда с ним играли как с бессознательной сущностью, продолжал свою социализацию преимущественно за пределами семьи. Маленького ребенка часто отдавали родственникам или кормилице, а после семи лет ребенка начинали воспринимать как маленького взрослого. Ребенок вращалась в социальных связях наравне с взрослыми. С этого времени ребенка из небогатой семьи часто отдавали на подработку в качестве подмастерья. В доме работодателя у ребенка не было частного места. Таким образом, после грудного периода ребенок сразу становилась частью социума, учился «в людях».

Ученые [8; 10; 33 и др.] отмечают, что социальная группа, такая как семья (род), коммуна, наполняла поведение и жизнь своих членов собственным коллективным характером, передавая им свои черты через воспитание и социализационные механизмы.

Средневековая семья выполняла эмоциональные функции в том смысле, что любовь и эмоциональная связь не были условием создания семьи, скорее были дополнением к уже созданной семье - любовь появлялась между супругами или нет. Это касается и эмоциональных связей между родителями и детьми, которые не были обязательными и неоспоримыми условиями счастливого сосуществования. Как отмечалось выше, все члены семьи имели широкие эмоциональные и социальные связи вне семьи. Поэтому семья, состоящая из супругов и детей, растворялась в активной социальной среде.

Личная жизнь средневековья ограничивалась семейным кругом, ближайшими родственниками, членами рода, которых обычаи обязывали заботиться друг о друге, защищать общую собственность и честь семьи. Посягательство другими, чужими на эти вещи влекло за собой кровную месть. Таким образом, на защите приватности рода стояли, в первую очередь, члены этого рода, а не государство или местные власти.

Мощным институтом, который был практически нетронутый для внешнего вмешательства, но осуществлял его и регламентировал приватность других, была церковь [7; 39] (и другие религиозные образования). Центральным элементом развертывания религиозной пропаганды стало спасение души, что способствовало воспитанию любви человека к своему личному частному бытию в области духа. Это поклонение божественной частице внутри каждого человека создало важность частной жизни человека, хотя и отдельной его части. Интересно, что силами церкви человек средневековья потерял один из важнейших элементов частной жизни - собственное тело. Тело признавалось греховным, любые манипуляции с ним имели сводиться к минимуму, только к функции жизнеобеспечения. Все это делалось с целью сохранения и спасения бессмертной души.

Индивид с первобытнообщинного строя сливался с социальной группой, растворяясь в коллективном, в период античности изо всех своих сил стремился к самоутверждению в публичном, в средние века был скован внешним вмешательством в интимные части жизни, за которым внимательно следили заинтересованно другие. Новое время принесло господство многоцветья индивидуализма античности, но на качественно новом уровне, где этот индивидуализм и человек как таковой стали самоценностью и центром цивилизации. Так индивид предстал своим авторитетом против социальной системы и многих ее институтов с целью отстаивания себя, своих потребностей и интересов.

Ученые [2; 32; 41 и др.] отмечают, что именно в это время происходит также становление публичной сферы как гражданской открытости и активности, которая образовалась в результате объединения отдельных частных лиц для отстаивания общих интересов, для противостояния влиянию капиталистических отношений. Средневековье дало мощный толчок к развитию социального мира и определения его приоритетности рядом с миром субъективным, проявления которого в основном обесценивались и отменялись в интересах большинства.

Библиографический список

1. Андреева М.В., Арапов С.В. Об одном необычном памятнике восточноманьчжурской катакомбной культуры // Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии Сборник к 90-летию и памяти Н.Я. Мерперта. Москва, 2014. С. 27-44.
2. Антонов Е.П. Тунгусское восстание: ошибок можно было избежать... // Илин. 1995. № 1. С. 93-96.
3. Артемьев Т.М. Понимание как синтез интуиции и рефлексии // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 634.
4. Аругюнян М.П. Понятие целостности экзистенциалов в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14. № 3. С. 99-104.
5. Бабенко В.Н. История отечественного государства и права. - Москва, 2016. Сер.
6. Баньковский А.Е. Идея единства государственной власти в зарубежной и отечественной политико-правовой мысли XVIII-XIX вв // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 12. С. 5-9.
7. Баранов П.П. Правовая сфера духовного мира человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. С. 54-60.
8. Белова Д.Н. Отражение нравственных основ в коммуникативном дискурсе // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 199-202.
9. Дворников Э.П. Пространство и время: организация сакрального пространства в погребально-поминальной практике ранних кочевников горного алтая // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 112-119.

10. Дружинин В.И. Совесть в русской философии как оправдание человека // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2014. № 1. С. 329-333.
11. Евдокимов И.Д., Сидорова Г.М. «Восточный кризис» в демократической республике Конго и проблема его урегулирования // Международная жизнь. 2013. № 11. С. 53-65.
12. Ермакова Э.В. Европа без границ - утопия или необходимость? // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2012. № 3 (266). С. 122-127.
13. Зезюлько А.В. Критика научно-технического прогресса в культуре XVIII–XIX вв.: философы и писатели против «благ цивилизации» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 3. С. 6-10.
14. Зимин В.А., Морозова Г.А. Изменение социальных ролей российских женщин в условиях реформ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. С. 70-74.
15. Карпова С.Г., Безвербный В.А., Сорокин О.В. Теоретико-методологические подходы к изучению факторов девиации и антисоциального поведения в современной России // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 1. С. 39-47.
16. Кислый А.Е. Условность и реализм искусства каменской культуры восточного Крыма // Древности Боспора. 2011. Т. 15. С. 189-208.
17. Клягин С.В. Предстояние: о познании жизни в опознании коммуникации // Феномен коммуникации в познании и творчестве жизни Под редакцией С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2014. С. 5-18.
18. Ковалев С.Е. Права человека и гарантии общей безопасности // Научный поиск. 2016. № 1. С. 76.
19. Муртазаев А.О. Кайтаг в VIII - первой половине XIX вв. - Махачкала, 2015.
20. Николаева Е.А. Время в языковой картине мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 9 (73). С. 72-75.
21. Полиновская Е.А. Современные подходы к изучению методологии, основного содержания и периодизации новейшей истории стран Запада // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 89-93.
22. Половченко К.А. Философские проблемы права в современной России // Проблемы правотворчества и правоприменения в государствах Центральной и Восточной Европы Минск, 2012. С. 18-19.
23. Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. 2011. № 4. С. 86.
24. Родичева И.С. Учение о «Сокровенном едином» древнекитайской школы «Сюань-Сюэ» // Гилея: научный вестник. 2012. № 63. С. 346-351.
25. Савельева Н.М. По следам Александра Ивановича Рубца // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 2 (3). С. 112-126.
26. Самойлова Н.К. Из истории фортепианного квартета // Искусство и образование. 2009. № 3 (59). С. 11-17.
27. Сахроков В.А. Философская концепция социальности в религиях и культурах // Регионоведение. 2012. № 2 (79). С. 204-215.

28. Слепцов Ю.А. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки // Филология и человек. 2014. № 2. С. 145-151.
29. Соболева Н.В., Иванова А.А. Некоторые аспекты эстетизации современного общества // В сборнике: Новые информационные технологии в науке нового времени Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. 2017. С. 175-177.
30. Станиславова И.Л. Образ мира и проблема личности в философии нового времени // Проблема человека: философские, исторические, медицинские, правовые, социологические, этические и культурологические аспекты Сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2010. С. 17-19.
31. Тузов Н.В. Государство и этнос в парадигмах единого политического пространства // Право и политика. 2008. № 11. С. 2751-2753.
32. Ульчицкий О.А. Роль современной архитектуры в организации земель ценного археологического наследия // Архитектон: известия вузов. 2006. № 2 (14). С. 8.
33. Усупова Ч.С. Нравственность как достижение человечества // Вестник Евразийской академии административных наук. 2017. № 2 (39). С. 58-60.
34. Файзуллин Ф.С., Свириденко А.А. Современные подходы к исследованию евразийства // Проблемы востоковедения. 2009. № 1 (43). С. 13-19.
35. Хаздан Е.В. Театр одной песни: традиции бродерзингеров // Временник Zubovskogo института. 2010. № 5. С. 97-106.
36. Хоружая С.В. Кризисная динамика смыслов культуры // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 2. С. 108-114.
37. Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 69-75.
38. Черникова В.Е. Теория концепта в контексте гуманитарного знания // Гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 46-53.
39. Чимаров С.Ю. Русская православная церковь в отечественной войне 1812 года. СПб., 2004.
40. Шмидт А.Н. Полезность и механизм человеческого поведения // Человеческий капитал. 2015. № 7 (79). С. 81-83.
41. Шукшина Л.В. Истины и иллюзии экзистенциализма // В сборнике: Человек и общество: на рубеже тысячелетий Международный сборник научных трудов, 2007. С. 350-356.
42. Ядранский Д.Н. Религия и труд в современном обществе: роль и перспективы // Материалы Афанасьевских чтений. 2012. № 10. С. 310-314.
43. Egorov A. Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian north during the Northern wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 117-136.
44. Zhabo N.I., Utkina E.A., Avdonina M.Yu. Avantages du savon organique à la lavande pour la peau mixte: aspects psycho-physiologiques // Современная парадигма научного знания: актуальность и перспективы Сборник статей по материалам четвертой международной научно-практической конференции. 2016. С. 24-27.